

# Заветы великого художника

В последние выходящих в ближайшее время томах нового тридцатого собрания сочинений М. Горького заключено огромное, в значительной своей части до сих пор не известное читателям богатство — его переписка.

Ценнейшее эпистолярное наследие великого писателя еще и до сих пор не собрано полностью. Еще и сейчас не выявлено все то, что он щедро отдавал не только друзьям, но часто и случайным корреспондентам, терпеливо разбирая книги и рукописи никому не известных авторов, с удивительной прямой и беспощадной правдивостью критикуя произведения знаменитых и талантливых своих современников, радуясь каждой удаче, с хозяйской заботой продумывая планы новых изданий, подкашивая темы книг и статей...

Исследователям предстоит продолжить собрание и кропотливое изучение горьковских писем, телеграмм, надписей на книгах, в которых заключены неопубликованные сокровища неутомимой и смелой мысли большого художника, большого мыслителя, большого Человека.

Письма Горького звучат с такой силой, в них заключено столько глубоких и верных замечаний, советов, в них такое богатство широты и стремительной горьковской мысли, что и сегодня они входят в наше сознание как живые явления современной литературы.

А в дни подготовки ко Второму съезду писателей этот живой голос Горького особенно дорог и нужен нам: в его письмах звучат мудрые заветы основоположника советской литературы.

На протяжении всей своей жизни Горький не переставал бороться за подлинную народность литературы, ее высокую идейность, за ее активное участие в строительстве нового общества, за ее уважение к человеку — труженику и творцу жизни. Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом — это дает красоту и силу ему! — писал он Д. Н. Мамину-Сибиряку в 1912 году, подражая писателю с сорокалетним его деятельностью. И в том же году, радостно приветствуя успех китайской революции, свергнувшей феодально-монархическую диктатуру Цинов и установившей республику, Горький в письме Сюнь Ит-сеню записал: «Я, русский, борюсь за торжество тех же идей, что и Вы; где бы эти идеи ни победили, — я, как и Вы, ставлю их победы, и писал о необходимости «как можно чаще говорить о том, что в мире... не должно быть вражды народов, вызываемой жаждою командующих классов».

Эти мысли Горький пронес через всю свою жизнь. Слова и слова он повторял, что писатель должен служить народу, участвовать в его жизни и борьбе не только своими книгами, но и всей своей деятельностью, помогать воспитанию нового, социалистического сознания, бороться с пережитками рабской психологии. Неутомимая активность Горького служила, служит и будет служить примером для каждого советского писателя.

Высокая гражданственность всего творческого подвига Горького связана с его любовью к людям, к жизни. Никогда не прощавший мимо жизни соратников наблюдателем, он был связан с ее событиями и волнениями крепчайшими связями. В его письмах видны глубокая образованность, живой интерес к политике, науке, тон кругозору культуры, который приобретает тазко длительное, целеустремленное трудом. Упорного труда, связи с жизнью, ясного передового мировоззрения Горький требовал и от своих корреспондентов, особенно от писателей.

Великий художник слова, чья слава облетела весь мир еще в конце XIX века, признанный учитель советской литературы — Горький был и остается примером величайшей выскателности и требовательности к себе, величайшей скромности. «Пишу я вот уже 35 лет, но это еще не значит, что я уверен: все, что мною пишется, — хорошо», — говорил он, отвечая на письмо по поводу «Дизни Клима Самгина».

«Хвалить Вас — не буду, мы с Вами — старые писатели и в похвалях уже не нуждаемся...» — писал он В. Каменскому.

Неутомимо трудясь, исследуя жизнь и смело вторгаясь в нее, Горький отдал все то, что мешало ему делать свое великое дело служения народу, и всегда подчеркивал значение для писателя постоянной, непрерывной работы над собой.

«Культура у меня низкая» — жалуется Вы, — писал он молодому писателю А. Руммеру в 1928 году. — Культура — как все на земле — создается человеком, воспринимается им. Ведь я, например, тоже не дворянской культуры, а вот научился сносно писать. Учитесь и Вы... культура может сделать все, что хочется, только волевое, длительное усилие. Талант? Это — любовь к своей работе, умение работать. Наблюдать и отдавать всего себя, все свои силы избранному делу. Учитесь надо, учиться, ребята! Учитесь — есть чему, для вас накоплено много. Вы живете в самое интересное время из всех времен, когда-либо развертывавшаяся на земле. Подумайте: так же, как каждый из нас вступает в новую жизнь, хочет ее строить, — так же, постепенно, поднимаются к ней воли, воображения, мысли десятков миллионов людей. И ваша роль, задача, наше великое дело идти вперед освобожденной массы трудового народа, помогать ей на ее путях к свободе. Если нас, теперь — стариков, читая сотни тысяч, — вас будут читать десятки миллионов. Есть для чего учиться и работать, не правда ли?».

## Здесь жил М. Лермонтов

В 1830—1832 годах в Москве, на улице Малая Молчановка в доме № 2, жил Михаил Юрьевич Лермонтов. Этот дом — единственное сохранившееся до наших дней здание в столице, где проводил свои юношеские годы великий русский поэт. В доме на Малой Молчановке Лермонтов были написаны «Исповедь», «Странный человек», «Испанцы» и другие произведения. Здесь он работал над поэмой «Демон».

Глубоко поучительны по подлинно хозяйское отношение Горького к каждому новому литературному явлению. Не прекращая, несмотря на болезни и преклонный возраст, свою творческую работу, не жалея времени и сил, он никогда не отказывал в помощи начинающим авторам, постоянно обращаясь к нему. «Люблю человека», — писал он. — «Люблю» — это у меня не слово, а, так сказать, излюбленное мое ремесло и даже, может быть, искусство». И, отвечая на сочувственные замечания одного из своих корреспондентов по поводу «назойливости», с которой к нему, Горькому, якобы «лезут литературные младенцы», Алексей Максимович вспоминал о себе, «малограмотном парнишке 12—16 лет», и расценивал свой жизненный путь не как частный и исключительный случай, а как «одно из многих выявленных воли человека». Свято веря в талант и творческие возможности народа, Горький всеми силами стремился помочь выявлению и росту этого таланта.

Говоря о возможности ошибок в оценке произведений молодых авторов, о том радостном удовлетворении, которое он испытывает, убеждаясь в действительной одаренности замеченных и поддержанных им начинающих писателей, Горький откровенно признавался: «...лишь со скрывтой целью повлиять и на Ваше отношение к литературным младенцам».

Эти слова особенно поучительны сегодня, когда перед нами со всей остротой стоит задача серьезного улучшения воспитательной работы с молодыми литературными кадрами. Эти слова словно непосредственно адресованы тем писателям, которые неотомуждают время чтению и разбору произведений своих — часто еще совсем неопытных и неумелых — собратьев по перу и забывают о поддержке, полученной многими из них в свое время от Горького.

Понимание непереносимости была его забота о росте и расцвете родной литературы! Это была забота бережная и требовательная, любовная и выскательная.

«...Если ты становишься литератором, так должен понять: литература — дело глубоко ответственное, а читатель наш имеет право требовать от писателя работы совершенно честной, чистой», — писал он и еще высказывал «установившееся у нас отношение к литературе, как ремеслу легкому и быстро исчезающему писателя в хаос славы...». Этот ненавистный ему «хаос славы», самодовольную успокоенность, любовные успехами Горький развешивал в своих письмах. Придирчиво отмечал он каждый промах даже в тех книжках, которые в целом ему нравились; строго подчеркивал он небрежность и торопливость даже в произведениях, которые считал талантливыми. В его устах самая горячая похвала обычно не обходилась без замечаний, которые помогали писателям двигаться вперед, критично относиться к своим успехам, совершенствоваться мастерство.

Уделяя огромное внимание стилистической точности, тщательному отбору каждого слова, Горький оставил нам в своих письмах неисчислимое количество метких и тонких замечаний о языке и стиле. Изучение этих замечаний обогащает каждого литератора, заставляет внимательней выдумываться в звучание слова, в смысл образа.

Особенную ценность представляют часто встречающиеся в горьковских письмах, иногда брошенные мимоходом, интересные обобщения. Примером такого прозорливого, тонкого, глубоко обоснованного обобщения может служить письмо В. Пастернаку, в котором Горький отмечал, что в стихах талантливого поэта «слишком тонка, почти неуловима... связь между впечатлением и образом». Сформулированное в этом письме положение: «Вообразить — значит внести в хаос форму, образ» — утверждает право и обязанность писателя пользоваться силой своего воображения, творчески осмысливать действительность, отбирать и организовывать факты. Оно направлено как против бесконтрольного натуралистического бытописательства, так и против субъективистского следования за собственными впечатлениями. И оно со всей глубиной раскрывает непреодолимые до сих пор слабые стороны писателя Пастернака, о котором Горький писал: «...я горестно чувствую, что хаос мира одолевает силу Вашего творчества и отражается в нем именно только как хаос, дисгармония».

С величайшим вниманием встречал Горький появление каждого нового таланта, особенно радовался он росту культуры и литературы тех народов, которые во Великой Октябрьской социалистической революции испытывали на себе двойной гнет национального и социального бесправия.

Он заболел за изданием «Алманахов художественной литературы народов и племен Союза Советов», о широком ознакомлении русских читателей и писателей с растущей многонациональной литературой нашей Родины. «...Нужно, чтоб читали и чтоб видели, что литераторы братских республик пишут не хуже, а некоторые и лучше», чем русские писатели, утверждал Горький.

В наши дни, когда советская литература накопила уже большой творческий опыт и стала в полном смысле слова литературой многонациональной, всесоюзной, особенно отчетливо видна выдающаяся роль, которую сыграл Горький в ее развитии.

Письма Горького — драгоценное наследие, оставленное нам писателем, всю свою жизнь борющимся за литературу сильную и прекрасную своей идейной глубиной и художественным совершенством, за то, чтобы писатель был слугой и учителем народных масс, неутомимым общественным деятелем, верным помощником великой Коммунистической партии, ведущей нашу многонациональную страну к коммунизму.

19 сентября около дома № 2 на Малой Молчановке состоялся митинг, посвященный открытию мемориальной доски. На митинге выступили И. Андроников, П. Антокольский, ученица 10-го класса 93-й школы Краснопресненского района Москвы Т. Бояркова прочитала стихотворение М. Ю. Лермонтова «Родина».

На мемориальной доске высечено: «Здесь в 1830—1832 гг. жил великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов».

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 113 (3297)

Вторник, 21 сентября 1954 г.

Цена 40 коп.

ЗАМЕТКИ  
С ВЫСТАВКИ

## Дом с колоннами

Ефим ДОРОШ

Он стоит не на главной магистрали, а на одной из боковых дорог — белый двухэтажный дом с колоннами. Если бы вся земля вокруг него не была сплошь залита асфальтом, если бы деревья и цветники не выглядели столь нарядными, праздничными, какими они бывают только в парках больших городов и курортов, — если бы, повторяю, не это обстоятельство, мне показало бы, что я не в Москве, а где-нибудь на так называемой периферии. Припоминается, что примерно такой же дом с колоннами, только не белый, а желтый, видел я в заводском степном городке Пугачеве, на окраине, неподалеку от усадьбы МТС, среди оплывших мартовских сугробов и торчащих из раскисшей земли молодых голых деревьев, защищенных загородками из тяжелых бревен. А года за два до этого в Салских степях, в районном центре Целина, мне показывали одноэтажный, правда, но тоже с колоннами, еще нештукатуренный кирпичный дом, примерно такого же назначения, как и в Пугачеве. Там в доме с колоннами был клуб, а в Целине в нем предполагали открыть библиотеку с читальным залом и аудиторией для чтения лекций. Да и в других местах во время поездок по стране, то ли в заводском поселке, то ли в совхозе или колхозе, в окружении клубов с нотками и душистым табаком, выложенных по краям побеленными кирпичами, встречал я такие вот, как этот, дома с колоннами, портиками или аркадами.

При всей своей выставочной неубожности, при всей той неестественности, какую приобретает экзонат, когда вместо обычной, будничной обстановки его окружает обстановка исключительная — такие же новенькие, с иголкой, экзоплаты, — при всем этом построенный на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке «Колхозный дом культуры» выглядит как бы перенесенным сюда из районного городка или богатого колхозного села. Достаточно войти в просторный и высокий вестибюль белого дома с колоннами, чтобы увидеть на стене фотографии такого же типа зданий, ставших уже обычными для нашей страны. Есть нечто общее у этого здания экзоплата и с Ново-Бессереженской сельской библиотекой (Ростовская область), с ее фронтоном и четырьмя колоннами, и с Домом культуры колхоза имени Буденного (Одесская область), с его тремя арками и скульптурами Ленина и Сталина у входа.

Холить по гулким коридорам белого дома с колоннами, заглядываясь в светлые его комнаты, в высокий, во все два этажа, зрительный зал, и думаешь о тех коренных изменениях, которые произошли на нашей памяти в деревенской жизни. Об этом свидетельствует не только «Колхозный дом культуры», но и то отношение к нему, какое высказано в книге отзывов приезжими из сельских районов страны.

«В 1955 году мы в своем районе смогли построить 1—2 таких клуба», — пишет секретарь райкома партии. — Хотелось бы иметь зрительный зал на 500 мест. Просьба выслать проект данного клуба в Курганский район, Краснодарского края».

А экскурсант из Николаевской области, отмечая, как и секретарь райкома, что зрительный зал клуба-экзоплата тесноват, находит еще и другие недостатки: нет физкультурного зала, стена недостаточно глубокая... И заканчивает в книгу отзывов:

«В Украинской республике немало уже имеется Домов культуры, которые по своим размерам значительно больше, с наличием зала на 500—600 человек, физкультурным залом, лекционным залом, читальным залом, комнатами для кружковой работы, стационарной киноустановкой и радиоузлом. Такой клуб в колхозе имени Ленина, Арбузинского района, Николаевской области. Но и этот клуб имеет существенный недостаток — малую глубину сцен».

Можно привести и такую запись колхозника-экскурсанта, в которой тот задумывается о том, что не выставлен здесь схематический план Дома культуры: «сначала зарисовать себе расположение комнат». Или же другую, сделанную председателем колхоза из Краснодарского края: он пишет, что зрительный зал маловат, а конструкция самого здания несколько сложна для «постройки как типового проекта на селе».

Я выбрал именно такие вот, по-хозяйски критические записки, хотя в книге отзывов легко найти немало одобрительных, пожалуй, даже восторженных слов об этом и вполне отличном сооружении.

Но в записках критических, думается мне, отчетливо виден хозяин нынешнего советского села, которому необходимо нужны не только животноводческие постройки, всякого рода машины, поросший скот и сортовые семена, но и культура. Это ведь знаменательно, что председатель колхоза, — видать, хозяйственный мужик, — что такой вот умелый считать копейку председатель, осматривая великолепный сельский клуб, с его сияющим огнями залом, маршами лестниц, уютными комнатами и просторными фойе, говорит придирчиво: «зал маловат».

И это понятно, если взять во внимание ту обстановку, в какой живет нынешний крестьянин, тот, я бы сказал, духовный воздух, каким он дышит изо дня в день. Я выписал себе несколько цитат со стендов, выставленных в вестибюле «Колхозного дома культуры».

На селе у нас сегодня имеется 112.866 библиотек, 113.180 клубных учреждений и 38.288 киноустановок.

В сельских и колхозных клубах выступают с лекциями 360.748 лекторов-общественников. В 1953 году крестьянам нашей страны было прочитано 2.724.767 лекций. В том же году в одних лишь физкультурных коллективах участвовало без малого два с половиной миллиона человек, а в коллективах художественной самодеятельности — без четверти три миллиона.

Если ко всему этому прибавить, что в минувшем учебном году на трехлетних агрономических и зоотехнических курсах обучалось 2 миллиона 358 тысяч колхозников, то станет понятно, что не одним лишь талантом, но одним лишь талантом и трудолюбием достигнуты те высокие показатели, которые так буквально во всех отраслях сельскохозяйственного производства, какие демонстрируются на нынешней выставке. Без общей культуры и производственной культуры, и этот скромный по сравнению с прочими выставочными зданиями белый дом с колоннами имеет прямое отношение к материальным успехам наших передовых колхозов. Я бы сказал: чем больше будет у нас таких вот сельских клубов, тем больше хлеба и овощей станут давать поля, тем больше мяса, молока, яиц и шерсти станут давать фермы.

Тут уместно вспомнить известное марксистское положение об идее, которая, когда она овладеет массой, становится материальной силой. Уместно вспомнить и то, что еще многие районные руководители, и партийные, и советские, накануне сноса или жаты охотно собирают активы и совещания, где обсуждают и готовность инвентаря, и укомплектованность бригад, но никогда не соберут совещания, на котором пойдет бы речь о работе колхозных клубов, никогда не выберут времени, чтобы заглянуть в сельский клуб. Между тем хорошо поставленная политическая и культурная работа способна обернуться вполне материальными тоннами зерна на плечи — теми самыми тоннами, которые как раз не хватает району, чтобы выполнить план.

И если в колхозе, где я недавно побывал, из года в год не успевают затоварить необходимого количества кормов, то не объясняется ли это среди прочих причин и той причиной, что из года в год в земельном клубе колхозник может встретить лишь так называемые «кинчищевы», приезжающие со своими изрядно потрепанными картинками два раза в неделю. Ни лекций или докладов, ни любительских концертов или спектаклей здесь никогда не бывает. Нет и пахтат, нет газет и журналов. Да и можно ли назвать клубом это здание, правда, довольно большое сарабразное сооружение с тремя десятками смежков и двумя выветрившимися плакатами, тексты которых меняются лишь «на май» да «на октябрь». В течение всей недели этот сарай стоит на замке, и только когда приезжают «кинчищевы», появляется молодая женщина, должно быть, заблудившаяся, которая, порядя ради побрызгав воюю пол, принимает перенат из угла в угол безразличным веником округи и мусор.

Вспомнив все это, я вдруг представил себе, что комсомольцы из этого колхоза приехали в Москву, на выставку, и зашли, конечно же, в «Колхозный дом культуры». Разумеется, они исполнены будут восхищения и восторга, но тут же решат, что все это «не про нас». В колхозе, где они работают, за последний год дела значительно ухудшились: весной так построили триста рам парников, отремонтировали свинарник, а сейчас заканчивают новый телатник. Однако до такого вот Дома культуры колхозу еще очень далеко. Если даже Краснодарский председатель, у которого денег, вылезать, достаточно, высказал пожелание, чтобы «конструкция» Дома культуры была несколько проще, доступнее колхозникам строителям, потому что не найти ему сейчас строительную организацию, которая взяла бы у него подряд, — то что же скажут о колхозе, располагающем пока что очень скромными средствами. Поблудит экскурсант из этого колхоза на белый дом с колоннами, как на недоступную, хотя и манящую горную вершину, и уйдет во-своему.

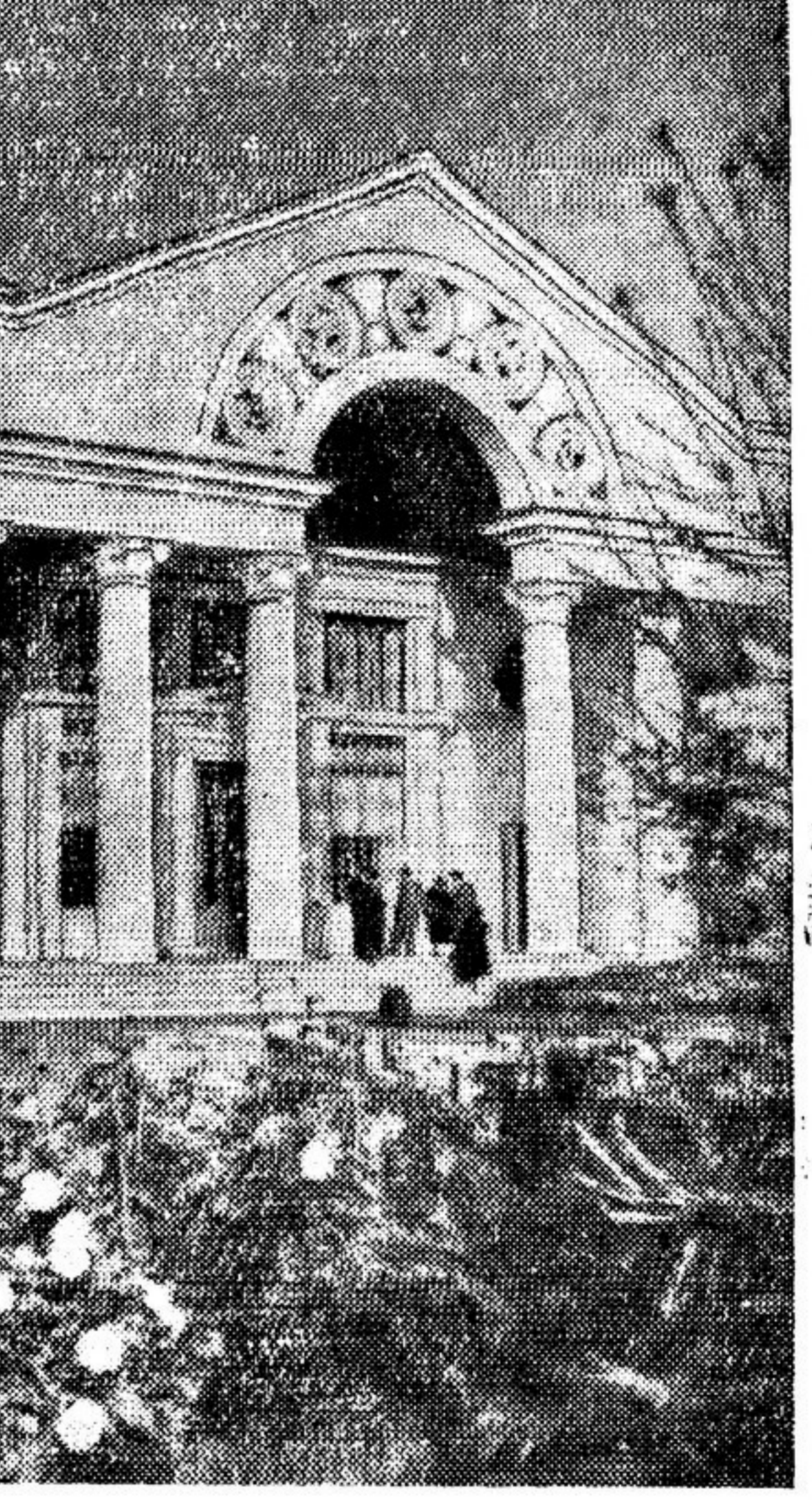
Меж тем хотелось бы, чтобы унесли они отсюда некий конкретный опыт, некое представление о том, как перестроить их огромный унылый сарай в красивое и уютное клубное здание. Не ожидать же им того времени, когда колхоз ассигнует средства на постройку клуба, похожего на этот.

Может быть, это и не входит в функции экскурсантского на выставке «Колхозного дома культуры», но мне почему-то представилось, когда я бродил по его светлым комнатам, что было бы очень хорошо, если бы на этих стенах наши архитекторы выставили проекты сельских клубов, простейших и красивых сельских клубов, которые могут быть построены деревенской молодежью из местных материалов.

Мне, например, пришлось встретить в одном экономически еще не окрепшем междерском колхозе отличный новенький клуб, построенный комсомольцами. Колхозу пришлось оплатить лишь стоимость леса, — к слову сказать, дешевого в тех местах, — да выделить лошадей для его доставки. А представилось, когда я бродил по его светлым комнатам, что было бы очень хорошо, если бы на этих стенах наши архитекторы выставили проекты сельских клубов, простейших и красивых сельских клубов, которые могут быть построены деревенской молодежью из местных материалов.

Мне, например, пришлось встретить в одном экономически еще не окрепшем междерском колхозе отличный новенький клуб, построенный комсомольцами. Колхозу пришлось оплатить лишь стоимость леса, — к слову сказать, дешевого в тех местах, — да выделить лошадей для его доставки. А представилось, когда я бродил по его светлым комнатам, что было бы очень хорошо, если бы на этих стенах наши архитекторы выставили проекты сельских клубов, простейших и красивых сельских клубов, которые могут быть построены деревенской молодежью из местных материалов.

Мне, например, пришлось встретить в одном экономически еще не окрепшем междерском колхозе отличный новенький клуб, построенный комсомольцами. Колхозу пришлось оплатить лишь стоимость леса, — к слову сказать, дешевого в тех местах, — да выделить лошадей для его доставки. А представилось, когда я бродил по его светлым комнатам, что было бы очень хорошо, если бы на этих стенах наши архитекторы выставили проекты сельских клубов, простейших и красивых сельских клубов, которые могут быть построены деревенской молодежью из местных материалов.



Колхозный дом культуры на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке

Фото В. Леонова

уж срубил этот лес, перевезли его, раздали и нарезали досок и тесу молодые колхозники. Они же, под руководством колхозных плотников, поставили сруб, надели полы и крышу, связали рамы и двери. В этом клубе зрительный зал с неплохой стеной и несколько комнат, в которых помещается библиотека, занимается кружки. И не потому ли, что все это сделано своими руками, клуб никогда не стоит на замке, — в нем интересно и весело не только лишь в дни, когда приезжают «кинчищевы», но и во всякое время.

И еще пришло мне на память, как в колхозе, откуда я недавно приехал, молодой колхозник с женой строил себе дом. Места там безлесные, но в соседнем городке, на фабриках и железнодорожной станции, сколько угодно шлаку, и вот повелась в тех краях «мода» на шлакобетонные дома. Сначала такие дома начали строить горожане, а теперь вот и деревенские молодые люди, взяв в колхозе машину, наведут шлаку, купят цемент, поставят опалубку и кладут себе потихоньку стены в свободное от работы время.

Но ведь из шлакобетона и клуб можно сделать.

Так почему бы нашим архитекторам, спроектировавшим для села такие вот здания, как этот дом с колоннами, который может быть построен только специальной строительной организацией, что по силам лишь очень богатому колхозу, — почему бы им, наряду с этим, не выставить здесь проекты и таких же обычных клубов, но только более простой «конструкции», как просит Краснодарский председатель, и проекты самодельных, что ли, клубных зданий — из дерева для лесных районов, и из шлакобетона — для безлесных.

Вряд ли проектами выставить чертежи, схемы и расчеты с пояснительным текстом. И взять во внимание, что эти построенные руками сельской молодежи клубы не должны походить на амбары или «коробки», что они должны выглядеть уютными и красивыми, хотя и без колонн. Тут, мне думается, полезно вспомнить, что в наших северных лесных районах и в Среднем Поволжье рубят красивые, строгих пропорций избы, украшенные тонкой декоративной резьбой. А на Украине есть обычай расписывать побеленные медом стены хат яркими, причудливыми орнаментами. Надо полагать, что народное зодчество и другие наших республик таит в себе столь же доступные богатства.

Обо всем этом хотелось сказать потому, что Всесоюзная сельскохозяйственная выставка — это ведь не только демонстрация достигнутого, но и великая школа опыта. И, радуясь тому, что немало у нас таких сел, где уже построены сегодня и будут построены буквально завтра такие вот белые дома с колоннами, мы не можем не думать и о тех селах, где клуб — это пока что холодный и пыльный сарай. Не должно быть подобных крайностей — либо дом с колоннами, либо сарай. И если секретарь райкома из Краснодарского края, посетив «Колхозный дом культуры», уходит отсюда с твердым намерением построить в будущем году один-два таких же точно клуба, то и экскурсант из того колхоза, в котором я недавно побывал, должен уйти отсюда с теми знаниями, какие нужны им, чтобы иметь у себя пусть не такой блистательный, но хороший клуб.

Пекин, зал Хуайжэнтан

## Народное ликование

20 сентября 1954 года первая сессия Всекитайского собрания народных представителей торжественно приняла Конституцию Китайской Народной Республики.

Сейчас, когда я пишу эти строки, по ночным улицам Пекина идет феерическое шествие. Освещенные прожекторами, развеваются знамена. Бьют барабаны, гремят литавры. Столица ликует.

Говорят, что жил когда-то в Фуцжоу один бедный студент по имени Ми. Бедность его была так глубока, что даже за чашку чая заплатить было нечем. Из жалости его поил и кормил хозяин чайной. Однажды Ми явился к нему и сказал:

— Я ужоу. Заплатить за все, что я здесь выпил и съел, мне нечем. Однако я не хочу оставаться небогадарным. Вот смотри!

Он вынул из кармана кусок желтого меда и парировал на стене чайной аиста. Аист был совсем, как живой, только желтый.

— Каждый раз, — сказал Ми, — когда соберутся люди и трижды хлопнут в ладоши, он будет слезть со стены и танцевать. Однако помните об одном: никогда не заставляйте аиста танцевать для одного человека.

Хозяин так и делал, и аист танцевал на радость людям. Но вот зашел в чайную чиновник, выгнал всех людей, высыпал перед хозяином кучу денег и потребовал показать ему аиста. Хозяин соблазнился деньгами, он трижды хлопнул в ладоши, аист медленно сошел со стены и протанцевал один танец. Потом он ушел обратно и уже больше никогда не танцевал.

Студент Ми и его желтый аист — персонажи чудесной китайской сказки, которая заканчивается такими словами: «Старые люди говорят, что если где-нибудь повисит такая литовинка, то это для всего, а когда владет ею лишь один человек, то ее как бы нет — она все равно исчезнет».

Студента Ми и его волшебного аиста я вспомнил в зале Хуайжэнтан. На трибуну один за другим поднимались депутаты. Это были разные люди. По-разному они держали себя на трибуне, по-разному говорили. Представитель народности тун Вэй Го-чжинь сначала представился:

— Я из народности тун. Пас пять с половиной миллионов человек, живем мы на юге провинции Гуанси. Я это говорю потому, что многие из присутствующих еще не совсем хорошо с нами знакомы.

Писательница Лин Лин вытнула подолку и лотособразно микрофону и доверительно сообщила депутатам: «Я очень возмущена...»

Провластный герой труда Ван Чун-лу, прежде чем начать речь, в знак глубокого уважения поклонился президиуму, а потом повернулся к залу и поклонился всем депутатам.

Перед каждым оратором ставился большая кружка свежего желтого чая. Оратор открывал крышку и, сделав маленький глоток, начинал говорить. Некоторые сначала передавали Собранию «возвышенный привет», другие клялись в ответ на аплодисменты, третьи, сходя с трибуны, желали депутатам «драгоценного здоровья».

Это, конечно, всего лишь внешняя сторона. Я упомянул о ней, однако, не для того, чтобы показать некоторые национальные особенности Собрания. В этом проявилась необычайная сердечность, которая царит в зале Хуайжэнтан.

Люди говорили, что Конституция отражает исторические перемены в жизни народа, достигнутые под руководством Коммунистической партии Китая. Они говорили о строительстве новой жизни.

Вот поднялся на трибуну пожилой человек — Ван Ху-чэн. Когда его имя было названо председателем, в зале наступило оживление. Ван Ху-чэн могние знает в Китае. Еще со студенческой скамьи он решил посвятить свою жизнь гидротехническому строительству. Из института он вышел с рудными надеждами. Исследовал реки, составлял проекты, писал докладные записки. Но все это где-то гбило.

— Ровно половина моей жизни, — с грустью сказал он, — пропала впустую.

Сейчас Ван Ху-чэн — заместитель председателя комитета по обузданию реки Хуайхэ.

— Гидротехнические сооружения, которые возводит народ, — сказал он, — выдержали в этом году самый высокий за последние сто лет напор воды.

Сессия встретила бурным рукоплесканием молодую приданницу Хао Цзянь-сю, талант которой полностью признал народ. Девушка Хао Цзянь-сю из Пендза изобрела новый способ работы на прядильных машинах. И этим методом стали пользоваться на всех текстильных фабриках Китая.

— Когда я впервые самостоятельно повела трактор и увидела первую вспаханную мной борозду, — сказала первая трактористка Китая, депутат Лян Цзюнь, — я была счастливейшим человеком. Это была моя первая борозда для народа, для родины.

Лян Цзюнь стала знаменитой трактористкой. Когда я слушал речи Ван Ху-чэна, Хао Цзянь-сю, Лян Цзюнь, мне вдруг вспомнилась сказка о желтом аисте, в образе которого народ воплотил одно из своих вековых мечтаний. Мечта его осуществилась. Все лучшие силы, все лучшие таланты служат народу. И от этого они становятся по-настоящему яркими, по-настоящему великими.

С. КОЖЕВНИКОВ,  
собственный корреспондент  
«Литературной газеты»  
ПЕКИН, 20 сентября. (По телеграфу)

## Закладка памятника Абу-Али Ибн-Сине (Авиценне)

В Бухаре, на площади Революции в присутствии 10 тысяч трудящихся состоялась торжественная закладка памятника уроженцу Бухары, великому мыслителю, естествоиспытателю и врачу Абу-Али Ибн-Сине (Авиценне).

# ДОСТОЙНО ОТРАЗИТЬ КИШУЧУЮ ЖИЗНЬ НАРОДА!

## На путях творческого роста

В национальном убранстве спелая старейшего белорусского драматического театра имени Янки Купалы, где на протяжении четырех дней работает третий съезд писателей Советской Белоруссии. В переполненном зале — более ста делегатов писательской организации республики, литераторы, приехавшие из Москвы, Ленинграда, братских республик, гости писателей — новаторы промышленных предприятий, строители Минска, деятели науки и искусства, партийные и советские работники, учителя, библиотекари, студенты. Всех их пришло сюда чувство глубокой любви к великой многонациональной советской литературе, призванной отобразить кипучую созидательную жизнь народа.

А она кипит и бурлит! Это наглядно видно и на примере Белоруссии. Участники предыдущего — второго — съезда писателей Белоруссии помнят расположенную в кулуарах выставку архитектурных проектов застройки Минска. Прошло всего пять лет, и проекты стали явью — чудесным проспектом имени Сталина, на котором высятся монументальные жилые и административные здания, многими другими заново отстроенными улицами, просторными площадями, желтеющими в эти дни осенней позолотой парками. Ежедневно в строительстве Минска вкладывается более трех миллионов рублей.

Да взгляните, товарищи, вокруг себя! — воскликнет, открывая съезд, народный поэт Белоруссии Якуб Колас. — Неужели наш родной Минск не вызывает радостного чувства изумления? А разве он сам, как гриб, из земли вырос? Его строит, украшает, организует строительство наша советская молодежь, сыны и дочери народа, наша Коммунистическая партия.

Если же мы обратимся к нашей белорусской художественной литературе, то на фоне достижений Советского Союза и подвигот народа она выглядит бедновато...

В чем же причины нашего отставания от жизни?

Одна из этих причин заключается, по моему мнению, в недооценке писателями своей роли. Писатели несут великое и почетное звание инженеров человеческих душ. В этих немногих словах сказано очень много. Они ко многому и обязывают нас.

Причина наших недостатков состоит также в замкнутости и оторванности писателя от народа, от жизни. Из кабинета писатель видит настоящую жизнь так, как видит люди через слой воды или реку или озеро.

Я. Колас указывает на необходимость постоянно обогащать форму литературных произведений, чтобы глубже и ярче отобразить всю многогранную симфонию новой жизни.

— Нужно иметь в виду еще три вещи: талантливость, мастерство поэта и его образование. Талантливость — природный дар, который необходимо развивать, совершенствовать. Мастерство и образование, без чего писатель не может быть полноценным литератором, приобретаются самим писателем. А из этого следует, что писатель каждый день и каждый час должен повышать свое мастерство и образование.

Я. Колас призвал писателей не забывать своей высокой роли и ответственности перед народом, как зеницу ока оберегать чистоту идейных принципов, на которых основана советская литература.

С докладом «Белорусская литература от второго до третьего съезда писателей БССР» выступил председатель правления ССП Белоруссии П. Бровка.

— За 20 лет, прошедших со времени Первого всесоюзного съезда писателей, — сказал докладчик, — белорусская советская литература выросла и стала одним из передовых отрядов нашей общей советской литературы. Создали свои лучшие произведения народные поэты Янка Купала и Якуб Колас. Приобрели известность у всеобщего читателя произведения З. Бядули, К. Чорного, К. Крапивы, М. Лынькова, Э. Самуиленка, П. Глебы, А. Кулешова, П. Панченки. После воссоединения белорусского народа в одном государстве в наши ряды пришли М. Танк, Ф. Пестрак, В. Тавшай, В. Тарас, М. Мацара. За последние годы белорусская литература пополнилась талантливыми молодежью.

Великие надежды возлагает сегодня на советскую литературу народ. И вот, если в свете тех огромных задач, которые ставятся перед писателями, взглянуть на созданное нами за последние годы, то станет очевидно, что сделано мало.

Жизнь выдвинула перед литературой тему послевоенного восстановления колхозного хозяйства, его дальнейшего роста и крутого подъема, и почти все белорусские писатели живо откликнулись на эту тему. И все-таки и количество и качество этих произведений не могут нас удовлетворить.

Докладчик останавливается на некоторых прозаических произведениях. Он отмечает, что в романе М. Последовича «Свет над Лисинском» не лишнем недостатком писателя удалось создать несколько интересных образов героев современной колхозной деревни. Правильные образы сельских коммунистов даны в романе П. Шамякина «В добрый час». Что же касается одного из главных героев романа — председателя колхоза Максима Лесковца, то в его образе много жизненно достоверного, но много и надуманного. Писатель хотел показать жизненную, противоречивую натуру, но не сумел справиться с этой задачей. Максим Лесковец, который без конца курит, светится, не подчиняется партийной дисциплине, внезапно, без достаточной художественной обоснованности, становится на путь исправления.

Положительно оценивает докладчик повесть Я. Брыля «В Заболотье светает», в которой ярко показано огромное стремление освобожденного крестьянства Западной Белоруссии к коллективному труду. Но если повесть «В Заболотье светает», как и ряд рассказов этого способного автора, была встречена с большим интересом, то новая повесть Я. Брыля «На Быстранке» ветреножила и обеспокоила читателей. В произведении есть миста, написанные рукой настоящего художника, мастера

выписанные детали, но в целом «На Быстранке» — неудачная повесть. Ведь эта во многом неуместная и лунная по своей идейной направленности. Здесь встречаются с людьми, которые преимущественно все осуждают, высказывают только свои обиды. Герои произведения не действуют, а лишь рассуждают, и к тому же рассуждают односторонне, а часто и просто неправильно.

Существенный недостаток белорусской литературы — слабое внимание к жизни рабочего класса.

Большее всего, пожалуй, сделано белорусскими писателями в разработке темы героического прошлого нашего народа. Повесть «На перепутье» народного поэта Я. Коласа, которой он заканчивает свою поэтическую трилогию, встречена с большим интересом. Крупным событием для белорусской литературы этих лет докладчик считает роман Ф. Пестрака «Встретимся на баррикадах», повествующий о борьбе белорусского народа против белополяков оккупантов, за свое освобождение. Героическая борьба советского народа против гитлеровских захватчиков получила отражение в романах М. Лынькова «Незабываемые дни», П. Гурского «В огне», И. Мельца «Минское направление», Н. Ткачев «Служенность».

Говоря об отображении темы героического прошлого в поэзии, П. Бровка называет повесть в стихах «Граница» А. Кулешова, поэмы «Владыки Градовского» М. Лужанина, «Иди, мой сын» и «Родной источник» А. Белевича.

— Что же сегодня особенно не хватает в нашей белорусской поэзии? — спрашивает докладчик. — Широких эпических полотен, таких произведений, которые бы с особенной полнотой отображали нашу сегодняшнюю действительность, наиболее ярко показывали бы образы наших героев-современников. Я. Колас в центре своего замечательного произведения «Новая земля» поставил коренную проблему дореволюционной жизни белорусского народа — проблему земли. Между тем сейчас, когда наша земля стала действительно новой, когда она преобразована, когда выросли, изменились люди, которые украшают ее, такого многогранного поэтического произведения у нас нет, наши современные поэты не всегда умеют находить те коренные вопросы, которые волнуют народ.

Отдельный раздел своего доклада П. Бровка посвящает задачам повышения мастерства. Он остановился, хотя слишком кратко и без подробного анализа, и на работе критиков, высказав ряд критических замечаний о статьях Б. Бурьяна, В. Бурново, Д. Политыко.

В докладе было охарактеризовано состояние почти всех жанров белорусской литературы, содержались продуманные оценки отдельных произведений. Не хватало ему глубокого анализа процессов, происходящих в белорусской литературе, широких теоретических обобщений, остроты в постановке вопросов.

Эти проблемы в значительной мере были восполнены приемами. На съезде развернулся большой и плодотворный разговор о нынешнем состоянии белорусской литературы, о ее успехах и недостатках, об отдельных произведениях и литературных жанрах.

**Работа белорусских прозаиков**

Оживленное обсуждение работы белорусских прозаиков не свелось к оценке тех или иных книг, многие делегаты съезда ставили при этом общие вопросы литературного мастерства.

И. Шамякин, отметив рост белорусской прозы, сказал, что во многих произведениях слаба художественная форма: написаны они вяло, чрезмерно растянуты, перегружены лишними эпизодами и образами, страдают сюжетной и композиционной рыхлостью. На это должна была обратить внимание критика, но она недостаточно занимается вопросами мастерства, образы произведения очень редко рассматриваются во взаимодействии, мало внимания уделяется анализу сюжета и композиции произведения. Все сводится к абстрактным заявлениям о том, что автор или знает жизнь, или не изучил ее должным образом.

— Написать хорошее, правдивое, высокое художественное произведение, не зная жизни, безусловно, нельзя. Однако бывает и так: автор пишет про то, что он знает в совершенстве, а произведение получается с огрехами, а то и вовсе неудачное. Именно так случается с некоторыми романами о Великой Отечественной войне, в которые авторы включали собранный ими материал без должного отбора. В качестве примера И. Шамякин называет романы П. Гурского «В огне» и М. Лынькова «Незабываемые дни».

— Есть, кроме всего этого, — продолжает оратор, — еще одна важная причина, почему многие наши книги оказываются скучными, неинтересными. Мы часто забываем мудрое правило беллетристики: чтобы произведение было интересным, занимательным, нужно уметь обычное, будничное показать через необычное, исклю-

## Съезд писателей Белоруссии

чительное. А вот этого реалистического исключительного и недостающего в наших романах, повестях, поэмах. Зато в них часто присутствует нудное, тягучее, как резина, бытование.

Как сообщил в своем выступлении А. Якимович, за последние пять лет белорусские писатели издали десятки книг для детей, в том числе большое количество сборников рассказов. К сожалению, многие рассказы не имеют ясного содержания, весьма бедны по тематике.

— Во многих книжках для детей все герои, как один, почему-то хотят быть только учеными. А вот героев, которые радовались бы, что становятся полноправными членами рабочего и колхозного коллектива, очень мало в наших произведениях.

Я. Брыль призвал своих товарищей по перу создать хорошую литературу для детей, высказав ряд замечаний о состоянии переводческой работы в республике.

Мельком заявив, что он не собирается отмахиваться от критики, Я. Брыль, однако, фактически ничего не сказал об идейно-художественных недостатках своей повести «На Быстранке» и об уроках, которые он извлек из этой творческой неудачи.

### О специфике жанра

На съезде немало говорилось о белорусской драматургии. Старейший драматург республики К. Крапива, заместитель министра культуры БССР С. Степин, главный режиссер театра имени Я. Купалы народный артист БССР Л. Рахленко и другие товарищи говорили об отставании драматургии, которое дальше не может продолжаться. К. Крапива с большой теоретической глубиной поставил вопрос о специфике драматургического жанра.

— Не кроется ли причина отставания драматургии, — говорит он, — в том, что мы, драматурги, не учитываем некоторых специфических особенностей жанра?

Если в других жанрах слабость конфликта может быть в известной мере компенсирована непосредственным вмешательством автора — повествованием, описанием, авторской характеристикой действующих лиц, лирическими отступлениями, в которых автор может высказать свои чувства, — то в драматическом произведении все это исключается и слабость конфликта дает себя чувствовать самым катастрофическим образом.

«Теория» бесконфликтности развита и похоронена. Но, однако, нельзя сказать, что в вопросах драматургического конфликта мы уже разобрались до конца. Прежде всего не сказано отчетливо о том, что природа конфликтов, отражающих борьбу враждебных классов в буржуазном обществе, и природа конфликтов социалистического общества не одинакова. Характер этих противоречий и способы их преодоления разные. В одном случае сталкиваются антагонистические силы, конфликт развивается более бурно и разрешается обычно физическим или моральным уничтожением одной из сторон. Об этом убедительно свидетельствует вся классическая драматургия, в которой источником конфликта обычно являются классовые противоречия и социальное неравенство. Об этом же свидетельствуют и пьесы советских драматургов о борьбе с кулачеством и иными элементами, принципиально враждебными социалистическому строю. Все эти пьесы имеют в основе конфликта столкновение враждебных, антагонистических сил.

Но как же быть драматургам, когда они пытаются отобразить в своих произведениях наше мирное строительство? Антагонистические классы и группы у нас нет, социальное неравенство уничтожено. Тем не менее и в нашем, социалистическом обществе существуют противоречия, и оно движется вперед, преодолевая их. Противоречия эти на какой-то почве зарождаются, как-то способом (надо думать, отличным от того, который мы наблюдаем в обществе, где идет борьба антагонистических классов) разрешаются. Драматург должен глубоко знать законы, по которым развивается наше общество, и иметь зоркий глаз, чтобы в жизни видеть те противоречия, которые могут лечь в основу драматургического конфликта.

Мы часто не учитываем, что не каждое столкновение является настоящим конфликтом, достойным внимания драматурга. Если противники стоят на одних и тех же идейных позициях, руководствуются одинаковыми моральными принципами, в таком случае мы, очевидно, имеем дело не с глубоким конфликтом, который может охватить все существо человека и серьезно образом отразиться на его судьбе, а с расхождением частного порядка.

Чтобы далеко не ходить за примерами, возьмем такую белорусскую пьесу, как «Беспокойные сердца» А. Бучара. Главный ее недостаток заключается именно в том, что в основе ее нет глубокого конфликта, на котором можно было бы развернуть

сквозное драматургическое действие. Здесь конфликт ограничен узкой сферой технологического производства, сама ситуация является нежизненной, а остальной материал пьесы к основному конфликту не имеет отношения.

В основу драматургического конфликта, по моему мнению, может лечь только такое столкновение, в котором противники стоят на разных идейных позициях, по-разному относятся к советской морали и этике, к своему общественному долгу, к передовому и отсталому в нашей жизни.

Не менее важной и трудной задачей является реализация намеченного конфликта в сюжете. Необходимо найти такую жизненную ситуацию, в которой в основе конфликта противоречие проявилось бы наиболее полно и убедительно. Действующие лица должны быть поставлены в такие взаимоотношения, чтобы они свободно, без натяжки выявили свои качества.

Нужно сказать, что разработку сюжета мы уделяем мало внимания. Возьмем, например, недавно опубликованную в журнале «Полымя» пьесу А. Мавзона «Наталья Крицкова». На первый взгляд, здесь как будто есть и конфликт, в котором человеку нечестно, мелкому, карьеристу, развратнику и цинику Виктору Крицкову противопоставлены честные и высокоморальные советские люди. Беда только в том, что, разместив свои боевые силы на исходных позициях, автор не привел их в действие. А получился это потому, что механизм сюжета был весьма примитивный и слабо пригнанный.

В этом отношении значительно лучше обстоит дело у А. Макаенка в его комедии «Извините, пожалуйста!». В основу конфликта положено здесь жизненное противоречие между общественным и личным, между государственными интересами — с одной стороны и между личными, карьеристскими целями — с другой. Ряд удачно найденных сюжетных ходов и комедийных ситуаций дает возможность показать носителей зла с той стороны, которая больше всего вызывает осуждение и осмеяние.

Есть ли слабые стороны в этой пьесе? Несомненно, есть. Прежде всего бросятся в глаза известная условность фигуры Калиберова. Калиберов как бы искусственно вырван из той типической обстановки, в которой приходится работать людям его положения. Он целиком изолирован от партийной среды. Калиберов и Мошкину не противопоставлена такая фигура, которая по ходу действия могла бы одолеть их.

Оратор подробно говорит о сатирике. Он считает, что вопрос о показе положительного и отрицательного в литературе, и, в частности, в сатирической комедии, часто обсуждался «вообще», без учета специфики жанра, без глубокого проникновения в существо дела.

Некоторые товарищи представляют себе дело так, будто в нашей действительности положительное и отрицательное существуют каждое само по себе. Совершенно иначе будет выглядеть вопрос о положительном и отрицательном, если мы будем представлять себе нашу действительность не в статике, а в виде живого процесса, в котором имеет место постоянная борьба положительного с отрицательным, причем положительное не без труда, но непременно берет верх над отрицательным. А действительность именно такова. Правда отображала ее, мы не можем избежать показа отрицательного, ибо борьба предполагает наличие двух начал. Здесь положительное попрежнему является главным, преобладающим, но вместе с побеждающим положительным мы видим и отрицательное, которое этим положительным побеждается.

Иногда драматурга упрекают в том, что в центре его сатирической комедии стоит отрицательный персонаж. Показ того, что у нас положительное побеждает, а отрицательное осуждено на гибель, не спорится к тому, чтобы в сатирической комедии ставить в центр внимания положительного героя вместо отрицательного. Положительный эффект сатирической комедии достигается пафосом обличения, убедительной мотивировкой поступков действующих лиц, показом обстановки и причин, в силу которых отрицательное на определенное время может активизироваться, и, конечно, показом положительного, которое, наконец, берет верх. По имени напомним, ибо, если с самого начала положительное будет преобладать и подавлять отрицательное, то зло не сможет себя проявить с достаточной полнотой, оно будет ликвидировано, но не разоблачено художественными средствами, и хорошей сатирической комедии не получится.

**Живая действительность и поэтическое творчество**

Разговор прозаиков и драматургов о жизни, как главном источнике литературного творчества, активно поддерживали и поэты.

Высокое призвание поэта, сказал К. Кириенко, обязывает нас к неустанному тру-

ду и учебе, чтобы понять жизнь и разъяснить самое существенное в ней читателю, чтобы неустанно двигаться вперед. Подробно проанализировав новую пьесу А. Зарицкого «Ночь в золотом дне», А. Кулешов отметил способность автора передать читателю свое восхищение социальным трудом народа, показать, что золотой клад — не только на дне осушенных болот, но и в душах людей.

Поэме присущи и серьезные художественные недостатки. Лирическая и сатирическая линии, имеющиеся в ней, не связаны между собой единым действием.

— Мало изучать и знать жизнь, — говорит А. Кулешов, — необходимо самому жить так, чтобы сердце и мысли беспрерывно билось желанием познать мир и людей, горели творческим беспокойством. А у нас часто даже среди молодых литераторов можно наблюдать непонятное самолюбование, отсутствие творческого беспокойства. Многие любят, чтобы им говорили только комплименты.

Художественный руководитель Государственного хора БССР народный артист республики Г. Ширма обратил внимание поэтов на необходимость осваивать драгоценное достоинство устного народного творчества.

Лирика становится полновзвучной, отметил М. Лужанин, только в том случае, если автор умеет слить свои мысли и переживания с мыслями и переживаниями всего народа. Он не может создать яркий образ без проникновения в духовную жизнь советского человека. Но этот образ не дается и тому, кто отказывается от изображения человека в труде, за рулем трактора, штурвалом комбайна, кто страдает своеобразной «машинобоязнью».

О героях нашего времени говорил также М. Танк.

— Мне кажется, что мы неправильно подходим к созданию нашего современного героя, когда в деталях выписываем только его портрет, его профессию, не наделяя героя глубокими мыслями, не давая ему решать жизненные вопросы. Есть поэмы о партизанах, хлеборобах, медработниках, агрономах, научных работниках, партийных руководителях. Уже идут «поиски», о ком еще не написана поэма. Но поверхностное описание новой профессии не может расширить наше представление о многогранной, богатой и содержательной жизни, не поможет создать образ героя нашего времени.

М. Танк говорил о размахе, успехах и недостатках переводческой деятельности в республике. Он предложил, чтобы Союз писателей более серьезно занялся делом пропаганды и переводов литературы стран народной демократии. Проблема перевода красной нитью прошла через многие другие выступления. В прениях было указано на неточность, допущенную в статье «Литературной газеты» — «Переводить продуктивно и планомерно!», где говорилось, что прозаические произведения белорусских писателей до сих пор не переведены ни в одной из республик. Таких переводов еще очень мало, но они есть, и из года в год их появляется все больше.

**Требовательность в сочетании с заботой**

На втором съезде писателей Белоруссии разговоры о критике сводились чаще всего к одному — существует ли критика в республике как самостоятельный жанр? Ныне выступавшие вели речь уже не о том, есть ли критика в Белоруссии, но о ее качестве.

В адрес критиков были высказаны серьезные упреки. И. Шамякин, А. Кулаковский, К. Кириенко, М. Лужанин и другие говорили о невысоком теоретическом уровне критических статей, о фактах необъективности и неприципиальности в оценке литературных произведений. Вместо внимательного анализа книги, справедливого рассмотрения ее достоинств и недостатков некоторые критики стремятся к «разносу» писателя.

В белорусской критике почти нет проблемных теоретических работ. Критики слабо разрабатывают вопрос о национальной форме. Они не научились рассматривать явления белорусской литературы в органической связи с общим развитием советской литературы. Как заметил М. Танк, в подготовленном Институтом литературы Академии наук БССР коллективном труде «Черныи современная белорусская литература» творчество революционных писателей Западной Белоруссии рассматривается отдельно, в отрыве от белорусской и всей советской литературы.

Как это ни странно, голос самих критиков почти не прозвучал на съезде. А между тем они тоже недолюбливали своей работой, у них также есть вопросы, требующие коллективного обсуждения и решения. И это подтвердил единственный из белорусских критиков, выступивший на съезде, — В. Борисенко. Он сказал о ряде недостатков в деятельности критиков и литературоведов и в то же время упрекнул П. Бровку за отсутствие в его докладе развернутого рас-

смотрения конкретных критических работ. К критикам надо предъявлять строгие требования, но им надо лучше помогать. Рост нашей критики во многом зависит от того, насколько высокая требовательность, непримиримость к недостаткам будут сочетаться с постоянным вниманием, заботливым отношением со стороны Союза писателей. Эту мысль поддержал Е. Мозольков (Москва), выразивший сожаление, что в выступлениях отдельных ораторов проследовало пренебрежительное отношение к литературной критике. Решительно вскрывая все недостатки, надо по-хозяйски подходить к труду критиков.

### О создании творческой атмосферы

Передо вопросом об организационной работе Союза писателей рассматривается в отрыве от непосредственно творческой деятельности литераторов, как нечто второстепенное, имеющее узко практическое значение. Явное недоразумение! Общее состояние писательской организации, наличие или отсутствие в ней подлинно творческой атмосферы, уровень идейно-воспитательной работы не могут в определенной мере не отразиться и на творческой активности литераторов. Об этом говорили многие делегаты съезда.

П. Грамович на ряде примеров показал, как тесно связан рост литературы с работой писательской организации по воспитанию творческой молодежи.

А разве не сказались недостатки в работе Союза писателей БССР на деятельности его творческих секций и печатных органов? Ответом на этот вопрос явилось выступление Н. Садковича. Он рассказал о работе секции русских писателей. В ней — ряд способных литераторов. Шесть раз в год выходит альманах «Советская Отчизна» на русском языке. Но альманах не имеет необходимых условий для нормальной работы, его редакционная коллегия ни разу не собралась. В работе русской секции есть серьезные недостатки, а между тем правление ССП БССР не уделяет ей должного внимания.

В нашей писательской организации до сего времени нет должного напора творческой атмосферы, — заявил А. Кулаковский. — Президиум Союза писателей Белоруссии очень слабо занимается творческими вопросами. Вероятно, у каждого из нас есть какие-то сложности, трудности в творческой работе. Не случайно часть писателей младшего поколения уже несколько лет не выступает с новыми художественными произведениями. Поговорили ли когда-нибудь на заседании президиума с этими писателями, поинтересовались ли, в чем дело, что мешает им в работе, какую помощь можно оказать? Вряд ли можно вспомнить такой случай.

За время подготовки к съезду писателей Белоруссии и в Всесоюзном съезде ни республиканские журналы, ни газета «Литература и маастацтва» не поместили таких статей, которые глубоко заинтересовали бы литературную общественность. У нас не было настоящей предсъездской дискуссии, видные писатели почти совсем уклонились от творческих разговоров. Правление ССП формально руководит своими печатными органами — журналами «Полымя», «Беларусь», «Советская Отчизна».

\*\*\*

Братская дружба связывает литераторов, как и всех советских людей нашей многонациональной державы. Проложив сейчас писательские съезды, давая возможность наглядно увидеть силу и значение этой великой дружбы. В гости к белорусским литераторам приехали представители шести республик. Встретились писатели, близко и хорошо знающие друг друга по книгам, по совместной переводческой деятельности. Дружески обменялись людьми, не раз презиравшие друг к другу в гости, живо вспоминающие о совместных поездках в Грузию и Узбекистан, Молдавию и Латвию... На трибуну поднимаются представители писательских организаций братских республик, и каждый мог привести разительные факты, говорящие о постоянном культурном общении народов, о неразрывности их интересов, взглядов, судеб. Вот почему с таким вниманием слушал съезд слова туркменского писателя Гусейна Мухтарова о чувстве единой семьи, которое пронизывает всю нашу жизнь и которое еще раз проявилось тогда, когда вся Советская страна участвовала в восстановлении двух столиц — разрушенного войной Минска и разрушенного землетрясением Ашхабада. Вот почему собравшиеся в зале, как глубоко символичный, восприняли образ, к которому прибегнул в своей речи латышский писатель Вилуба Бердес — дружба латышского и белорусского народов цветет и здравствует так же широко и свободно, как свободно и волю несет свои воды в Латвию Западная Двина, которую там называют Даугавой. Вот почему живой отклик в сердцах многочисленной аудитории наших речи Олеся Гончара (Украина), Хамиды Гуляма (Узбекистан), Евгения Матузевича (Литва), Федора Пономаря (Молдавия), Сахиба Табарова (Таджикистан), Дмитрия Гусарова (Карело-Финская ССР).

Братский привет от имени правления ССП СССР передал белорусским писателям К. Симонов. Его речь была посвящена культуре писательского труда.

Съезд приветствовал заместителя председателя Союза писателей народной Польши Станислава Ричарда Добровольского.

В работе съезда приняли участие секретари Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии Н. С. Платичев, Н. Е. Ахматович и Т. С. Горбунов, первый заместитель председателя Совета Министров БССР Н. Ф. Климов. Тов. Горбунов выступил на съезде с развернутой речью.

Съезд избрал новый состав правления ССП Белоруссии, ревизионную комиссию и делегатов на Второй всесоюзный съезд писателей.

На первом пленуме председателем правления ССП Белоруссии избран П. Бровка, заместителем председателя И. Шамякин, ответственным секретарем М. Калачинский.

МИНСК. (Наши спец. корр.).



Группа участников третьего съезда писателей Белоруссии. Слева направо: К. Симонов, С. Михалков, Я. Колас, Х. Гулям, П. Бровка, К. Крапива, И. Шамякин, Г. Мухтаров. Фото: Л. Патковича.



МЭЙ ЛАНЬ-ФАН,  
китайский артист

# Мысли, с которыми я вошел в зал Хуайжэнтан

Когда у людей интересная, счастливая жизнь, они не замечают времени. Вот почему мне и всем моим соотечественникам кажется, что последние пять лет пролетели очень быстро. А между тем пять лет — не такой уж короткий срок. Во всяком случае за это время народ Китая успел сделать колоссальное дело. Для меня лично истекшее пятилетие было самым интересным, самым плодотворным в моей долгой артистической жизни.



Студенты Шанхайского транспортного института читают проект Конституции

Я встречался в эти годы с тысячами славных сыновей и дочерей китайского народа, наблюдал их настойчивый, упорный труд. Это обогащало меня, воодушевляло как человека, как актера. На каждом шагу, буквально по всем я убеждался, что широкие массы трудового народа получили действительное право пользоваться благами культуры.

В тысячи раз увеличился круг моих зрителей. В подавляющем большинстве — это рабочие, крестьяне, солдаты. Во время многочисленных поездок по стране я встречался с выдающимися представителями рабочего класса. В столице черной металлургии Аньшане мне довелось познакомиться с рабочими Мян Таем, Чжан Миншанем, Ван Чун-луем и Ли Фын-анем. Это люди отважного характера, неудержимого энтузиазма и природной смелости. И вожделю, как силен и мажор рабочий класс моей родины и какой почет мне, актеру, выступать перед ним!

Для того, чтобы лучше передать свое настроение, я рассказываю о встрече с товарищем Мян Таем. Горячо пожимая мне руки, он сказал: «Уважаемый Мэй! Много лет мечтал я увидеть вашу игру на сцене. И вот сегодня, кто бы мог подумать, — буду, наконец, наслаждаться вашим искусством!»

От переполнивших меня чувств я не мог выговорить ни одного слова, только крепко схватил руку Мян Таю. Вспоминая свое волнение в тот момент, я теперь напеваю слова, которые хотел сказать: «Товарищ Мян Тай, я давно мечтал встречаться с рабочими и выступать перед ними. Мое желание осуществилось! Служить рабочему классу, служить народу — это счастье!»

Выступая на сцене перед зрителями из народа, я полон именно этим чувством, оно дает мне новые силы, новое вдохновение.

В период японской оккупации мне пришлось уйти со сцены — в течение восьми лет я не сыграл ни одной роли. Вернулся в театр лишь после капитуляции Японии в 1945 году. Но это было в районах, где еще господствовали гоминдановцы и на каждом шагу возникали непреодолимые препятствия. Было очень обидно, думалось, что моя сценическая жизнь закончилась.

Но вот наступил час освобождения всей страны. Я встретился с новым зрителем и воспрянул. Горячий прием, забота народа дали мне необходимое вдохновение, я почувствовал, что силы мои не иссякли. Больше того, мое творчество стало полнокровнее, я стал глубже раскрывать характеры в сценических образах.

Но вот наступил час освобождения всей страны. Я встретился с новым зрителем и воспрянул. Горячий прием, забота народа дали мне необходимое вдохновение, я почувствовал, что силы мои не иссякли. Больше того, мое творчество стало полнокровнее, я стал глубже раскрывать характеры в сценических образах.

Этим я обязан своему новому зрителю — высказательному, чуткому, благодарному. Народ избрал меня депутатом Всекитайского собрания народных представителей. Горжусь оказанной мне честью. Я депутат от Пекина — моего родного города. Четыре поколения нашей семьи были труженниками театрального искусства в Пекине. Здесь же началась и моя сценическая деятельность. В Пекине я рос как актер и певец. В зал Хуайжэнтан я вошел с глубоким чувством ответственности перед своими избирателями. Обещаю им отдать все силы на счастье народа, на дальнейшее укрепление Китайской Народной Республики, которая дала новую жизнь народу, новую жизнь искусству.

ПЕКИН, 20 сентября. (По телеграфу).



В китайскую деревню пришли тракторы. На снимке: крестьяне провинции Хэбэй приветствуют первые машины на своих полях

## Месячник польско-советской дружбы

У кинотеатра «Москва» в Варшаве полно народу. Кассирша устало разводит руками: «Что я могу поделать? Кинозал не реанимируй — жалуются она, — а люди требуют и требуют: продайте билет, хоть стоя смотреть будем.»

Надуюсь у нас сейчас, в связи с месячным польско-советской дружбы, фестивалем советских фильмов в этом году необычайно интересен и пользуется огромным успехом. Мы увидим на экранах новых советских кинокартин. Наши зрители с интересом посмотрят и «Школу мужества», и «Скандербега», и «Анну на шее», и «Дочь моряка». С удовольствием встретятся снова и с «Большим гражданином».

Уже в первый вечер фестиваля в варшавских кинотеатрах побывало более 52 тысячи зрителей. Это значит, что залы кино были заполнены до отказа. И такое положение во всех городах и селах Польши. Механикам кинопередвижек приходится работать особенно много.

Мы заходим в бюро обслуживания «Обрис». И здесь многолюдно. Варшавяне покупают билеты на выступления наших гостей из Советского Союза. Всем хочется побывать и на вечеру кассеты бандуристов Украинской ССР и на концертах видных мастеров советской музыки Марию Юдиной, Натану Рахлина, Михаила Ваймана. Билеты продаются на много дней вперед. И не только на эти концерты. Нархваст билеты на концерты и вечера с участием польских артистов, выступающих с репертуаром из русских классических и советских произведений.

Наши театры покажут в дни месячника премьеры русских и украинских пьес. Зрители увидят «Дядю Ваню» и «Вишневый сад», «Врагов» и «Егора Булычова», пьесы Тренева, Симонова, Подогина, Вишневецкого. Симфонический и камерный оркестры подготовили много музыкальных произведений, которые они будут исполнять не только в «серых» залах. Эти музыкальные коллективы выедут на гастроли в города и села, чтобы как можно больше людей могло послушать советскую музыку.

## „Дружба!“ — „Пшиязнь!“

Мариан БЕЛИЦКИЙ,  
польский писатель

Этот месячник польско-советской дружбы наш народ проводит особенно торжественно. Ведь нынешний год — год десятилетия народной Польши. В эти дни мы с благодарностью говорим о неоценимой помощи, дружбе и примере советского народа, которые ощущаем повседневно.

Глубокая, незбываемая дружба нашего народа к своему великому советскому брату получает яркое и многогранное выражение. Подготовка к месячнику дружбы охватила самые широкие слои населения. В ней приняли участие писатели и рабочие, художники и крестьяне, композиторы и студенты, учителя и учащиеся. Большую работу провело Общество польско-советской дружбы, насчитывающее в своих рядах свыше семи миллионов членов. Созданные этим обществом кружки и ансамбли — а их теперь уже считают на тысячи — подготовили концерты, спектакли, художественные и литературные вечера. Не отстали от них заводские и сельские клубы и дома культуры. И поэтому начинающийся 12 сентября месячник дружбы в этом году поразительно богат и красочен.

Вчера, например, я встретил двух рабочих из Лодзи. Они спешили уладить в столице свои дела, чтобы скорее вернуться домой. Почему? Один из них выступает в субботу в заводском клубе в постановке «Дяди Ваня». Заводской драматический кружок долго готовился к месячнику. Мой друг — рабочий-артист — немного волнуется: ведь столько людей будет смотреть их спектакль. А второй — скрипач-любитель. Он тоже в субботу выступит в концерте в районном Доме культуры и будет играть произведения Рубинштейна и Хачатуряна.

А вот вести с другого конца Польши. Сельский клуб в Хмельнице, Жешувского восставшего, подготовил к месячнику богатую, интересную программу. Члены

## Назым ХИКМЕТ Почтальон

Весть о родине, о человеке, о мире,  
весть о птице, о звере, о деревце  
на рассвете  
и в полночь  
людям носил я  
в сумке моего сердца.

Я с детства стать почтальоном решил,  
настоящим, не как поэты.  
Цветные огрызки-карандаши  
рисовали почтальона портреты,  
рисовали Назыма,  
как дети на гравии,  
неуклюже, но верно,  
рисовали

на учебниках географии  
и на романах Жюль Верна.  
Вот человек в ушанке,  
собака по льду везут сагаи.  
На почтовых посылках  
и консервных банках  
северное сияние.

Еще одну дырочку в поясе просверлил,  
перехожу  
Берингов пролив.  
Или, вот, я с сумкой моей в степи,  
под тяжестью облаков,  
раздав солдатские письма,  
пылю теплое молоко.

Или, вот, иду с шумной уллицей вместе,  
адрес пишу — да где же это?  
В сумке моей только добрые вестки,  
только надежда.

Или, вот, —  
вьюга, снег,  
тьма в окне.  
Маленькая девочка больна,  
лежит в огне.  
Длинная, длинная ночь эта...  
Стук в дверь: «Почта!».

Маленькой девочке глаза  
нальскими глядят из тьмы.  
Завтра утром  
ее отца  
выпустят из тюрьмы.  
Это я, почтальон, разыскал ее здесь,  
это я, в снег и мороз,  
самую добрую в мире вестку  
девочке этой принес.

Я в детстве стать почтальоном решил.  
Хоть в Турции мой  
это трудное дело —  
в письмах горе и скорбь,  
мало хороших вестей.

Я в детстве стать почтальоном решил.  
И любил это так же, как стих...  
И вот, в Венгрии,  
в пятьдесят лет  
своего желанья достиг.

В моей сумке — весна,  
в ней птицы шумят,  
блеск Дуная,  
запах травы,  
в ней сотни писем  
венгерских ребят  
к ребятам  
моей Москвы.

Я раздам их все, как только приеду.  
Но как я достану это?  
На конверте написано:  
Мемеду,  
сыну Назыма Хикмета.

Сын мой! Этот венгерский привет  
не смогу тебе привезти.  
Оттого, что разбойники, мой Мемед,  
стоят на нашем пути...

Перевела М. ПАВЛОВА

## Признания Филиппа Симса

Мистер Уильям Филип Симс, редактор международного отдела американской газеты «Нью-Йорк уорлд телеграф энд сан», недавно написал следующие горестно-железные строки:  
«Америка не имеет ни одного надежного союзника в Европе. Мы приближительно так же непопулярны сегодня, как гитлеровская Германия в 1938—1939 годах».

Французская газета «Юманите» замечает по этому поводу, что европейские народы проводят неслепые для США параллели между действиями гитлеровцев накануне второй мировой войны и методами американских правых кругов, замещающих новую мировую войну.

Эти неслепые для США параллели подтвердил своим признанием американский буржуазный журналист.

# ВЬЕТНАМСКИЕ ЗАПИСИ

Р. КАРМЕН,  
специальный корреспондент  
«Литературной газеты»

1. Мир пришел на выжженную напалмом, истерзанную бомбами землю, на которой люди некими трудились, боролись за свободу, любили нество и белых аистов, парящих в синем небе над зеркалами рисовых озер.

Долгожданный мир — не счастливая случайность и не дарованное благо. Мир — любовь труженники Вьетнама не дождались мира, а завоевывали его. Сражались и возделывали поля. В джунглях отбивали пушки и печатали книги. Шли навстречу пулеметным школам вражеских фортов и побеждали асхуку. Вместе с партизанами Намбо долгие годы за мир боролись труженники Франции и миллионами людей обоих полушарий. Жизненной корзиной трудового риса, кровью солдатского сердца, закришшего в Дьен-Бьен-Фу вражескую авиацию, тысячами подвигов скрепил вьетнамский народ подвиги своего представителя на Женевском протоколе.

Вместе со словом «мир» гордо звучит сегодня слово «победа» над ликующими толпами людей на площадях городов и деревень. Яркие лозунги приветствуют мир и победу. Алые флаги республики, подотинца цвета неба с белым голубом, портреты президента Хо Ши Мина, бамбуковые арки, украшенные зеленью, флаги на домах, на велосипедках, машинах. И почти каждую машину детвора в деревушках встречает аплодисментами, восторженными криками.

Совсем недавно сотни тысяч людей радостно приветствовали на дорогах, ведущих из Женевы делегацию Вьетнама. Проникновенно звучали задумчивые слова ораторов, обращенные к народам и правительствам Советского Союза и Китая, слова благодарности за непоколебимую дружбу.

По дорогам, ведущим с севера, направляются к берегам моря из лагерей военнопленных. Их провожают голубые полотнища со словами, написанными на французском, немецком языках: «Счастливого пути, возвращайтесь скорее к своим семьям!», «Да здравствует дружба народов!». Чувство благородного интернационализма — отличительная черта вьетнамского народа. Оно воспитано в людях Партии тружеников на протяжении всей войны. Жители города Туен-Куанг пришли к военнопленным, чтобы принять участие в празднике мира, организованном в лагере перед отпавкой очередной партии на родину. Вьетнамцы принесли корзины с бананами и ананасами, тенды бедолаг с планками, пожелали им благополучного возвращения домой.

За последнее время совершенно изменился облик страны. Во время войны дороги Вьетнама днем были пустынями, оживали они только ночью. После захода солнца шоперы выводили из дневных укрытий свои машины. Поднимались на поверхность рек опущенные на дно паромы — их перед рассветом топили, нагружая грузами тяжелых камней. — трагали в путь караваны посыльчиков. Много сотен километров прошли мы ногами по дорогам Вьетнама, встречая и обгоняя тысячи добровольцев-носильщиков с грузами для армии, колонны воинских частей, одиноких ратников. В годы войны во Вьетнаме создали особый способ транспортировки грузов: на велосипед укладывают мешки и ящики весом до ста килограммов. Управляют длинным рычагом, укрепленным на руле, носильщики толкают велосипед. Многие носильщики увеличили нормы нагрузки велосипеда до 150 килограммов.

Часто останавливали нас и проверяли документы воинские и партизанские патрули, охраняющие дороги от вражеских диверсантов-парашютистов. У дороги нас встречали огоньки маленьких ресторанчиков с горячей пиццей и бамбуковыми тарелками для отдыха. В тусклом свете виднелись усталые лица людей, прошедших не одну сотню километров с грузом риса, патронов, книг, медикаментов и свежих новостей с юга, с дельты, из далеких тылов врага. Миска горячего супа из лапли с овощами, короткий отдых — и снова в путь, чтобы выполнить свое добровольное обязательство — доставить в срок грузы сражающимся войскам.

На узких горных дорогах с трудом развезались колонны грузовиков. Люди старались, прижимались к откосу горы, чтобы пропустить машины, а затем с любовью смотрели вслед позуциям по крутому подъему машинам.

С наступлением дороги пустыли. В рвущихся придорожных зарослях маскировались машины, отсюда посыльщики. С первыми лучами солнца подвигались над обезлюдившими дорогами американские самолеты «Дакота». Мрачный их гул умолял в течение всего дня. Бомбили дороги, деревни. На небольшой высоте проносились заголенские истребители «Кингкобра» с трехцветными кругами на черных крыльях. Они обрушивали огонь на мирные села, убивали детей, расстреливали буйволлов на полях, жгли напаломом дома, прочесывали пулеметными очередами лесные придорожные массивы.

Ночью люди освещают себе путь факелами из сухого, медленно горящего бамбука. Множество речек они переходят вброд или переправляются на плотах, связанных из стволов бамбука, держась за ланану, протянутую с одного берега на другой. Факелы роняют угольки, они, как огоньные капли, падают и гаснут в черной воде. В свете факелов замысловатые сплетения ланан, стволы деревьев, папоротники — все кажется сказочно увлеченным. В этих зарослях вьетнамских джунглей наши себе могли тысячи солдат экспедиционного корпуса. Они гибли от тропической лихорадки, от желудочных заболеваний, от партизанских залпов, от бездарности своих полководцев, проваливались в ловушки с острыми бамбуковыми колючками, подвигались на минах.

Высокими буйными травами заросли в Северном Вьетнаме форты, неслышно воздвигнутые проникнувшими в глубь чужой страны войсками колонизаторов. Гибельные планы, навязанные американскими стратегами из Пентагона французским генералам, привели войска экспедиционного корпуса к огромным потерям, к систематическим поражениям на севере и северозападе Вьетнама. Могильная тишина в развалинах давно покинутых фортов. И только по углублениям в почве, обрывкам ржавой проволоки, угадываются песчанистые рвы, укрепления. А зеленая глыба с надрывом двумя ладонями на карте отрезанные от тылов, лишённые связи, разгромленные батальоны противника. И, качая головой, с усмешкой отходит от карты, недоумоменно разводит руками, словно удивляясь ограниченности и незнанию видения военных людей, не понимающих логики событий, гибельных противоречий и обреченности агрессивной войны.

«А вот знаменитый план Наварра: впрочем, авторское право на этот безумный план принадлежит американцам. Взгляните...» — и снова движение обеих рук закладывается на карте губительные ловушки за войсками Наварра и снова, как бы удивляясь, Во Нгуен Зиан разводит руками...

Во Нгуен Зиан говорит о походах известных французских генералов, об их планах полного завоевания Вьетнама. Медленно ведет он рукой по карте: «Вот их план. Вот пункты, захваченные ими. Вот они достигли конечного пункта своей операции, захватили города... Тут на серьезном его лице появилась улыбка: — А наши войска...» — и резким движением рук он смыкает смертельные клещи за спиной генерала де Латтра де Тасиньи и накрывает двумя ладонями на карте отрезанные от тылов, лишённые связи, разгромленные батальоны противника. И, качая головой, с усмешкой отходит от карты, недоумоменно разводит руками, словно удивляясь ограниченности и незнанию видения военных людей, не понимающих логики событий, гибельных противоречий и обреченности агрессивной войны.

«А вот знаменитый план Наварра: впрочем, авторское право на этот безумный план принадлежит американцам. Взгляните...» — и снова движение обеих рук закладывается на карте губительные ловушки за войсками Наварра и снова, как бы удивляясь, Во Нгуен Зиан разводит руками...

Во Нгуен Зиан говорит о походах известных французских генералов, об их планах полного завоевания Вьетнама. Медленно ведет он рукой по карте: «Вот их план. Вот пункты, захваченные ими. Вот они достигли конечного пункта своей операции, захватили города... Тут на серьезном его лице появилась улыбка: — А наши войска...» — и резким движением рук он смыкает смертельные клещи за спиной генерала де Латтра де Тасиньи и накрывает двумя ладонями на карте отрезанные от тылов, лишённые связи, разгромленные батальоны противника. И, качая головой, с усмешкой отходит от карты, недоумоменно разводит руками, словно удивляясь ограниченности и незнанию видения военных людей, не понимающих логики событий, гибельных противоречий и обреченности агрессивной войны.

«А вот знаменитый план Наварра: впрочем, авторское право на этот безумный план принадлежит американцам. Взгляните...» — и снова движение обеих рук закладывается на карте губительные ловушки за войсками Наварра и снова, как бы удивляясь, Во Нгуен Зиан разводит руками...

Во Нгуен Зиан говорит о походах известных французских генералов, об их планах полного завоевания Вьетнама. Медленно ведет он рукой по карте: «Вот их план. Вот пункты, захваченные ими. Вот они достигли конечного пункта своей операции, захватили города... Тут на серьезном его лице появилась улыбка: — А наши войска...» — и резким движением рук он смыкает смертельные клещи за спиной генерала де Латтра де Тасиньи и накрывает двумя ладонями на карте отрезанные от тылов, лишённые связи, разгромленные батальоны противника. И, качая головой, с усмешкой отходит от карты, недоумоменно разводит руками, словно удивляясь ограниченности и незнанию видения военных людей, не понимающих логики событий, гибельных противоречий и обреченности агрессивной войны.

«А вот знаменитый план Наварра: впрочем, авторское право на этот безумный план принадлежит американцам. Взгляните...» — и снова движение обеих рук закладывается на карте губительные ловушки за войсками Наварра и снова, как бы удивляясь, Во Нгуен Зиан разводит руками...

Во Нгуен Зиан говорит о походах известных французских генералов, об их планах полного завоевания Вьетнама. Медленно ведет он рукой по карте: «Вот их план. Вот пункты, захваченные ими. Вот они достигли конечного пункта своей операции, захватили города... Тут на серьезном его лице появилась улыбка: — А наши войска...» — и резким движением рук он смыкает смертельные клещи за спиной генерала де Латтра де Тасиньи и накрывает двумя ладонями на карте отрезанные от тылов, лишённые связи, разгромленные батальоны противника. И, качая головой, с усмешкой отходит от карты, недоумоменно разводит руками, словно удивляясь ограниченности и незнанию видения военных людей, не понимающих логики событий, гибельных противоречий и обреченности агрессивной войны.

«А вот знаменитый план Наварра: впрочем, авторское право на этот безумный план принадлежит американцам. Взгляните...» — и снова движение обеих рук закладывается на карте губительные ловушки за войсками Наварра и снова, как бы удивляясь, Во Нгуен Зиан разводит руками...

Во Нгуен Зиан говорит о походах известных французских генералов, об их планах полного завоевания Вьетнама. Медленно ведет он рукой по карте: «Вот их план. Вот пункты, захваченные ими. Вот они достигли конечного пункта своей операции, захватили города... Тут на серьезном его лице появилась улыбка: — А наши войска...» — и резким движением рук он смыкает смертельные клещи за спиной генерала де Латтра де Тасиньи и накрывает двумя ладонями на карте отрезанные от тылов, лишённые связи, разгромленные батальоны противника. И, качая головой, с усмешкой отходит от карты, недоумоменно разводит руками, словно удивляясь ограниченности и незнанию видения военных людей, не понимающих логики событий, гибельных противоречий и обреченности агрессивной войны.



На этом снимке изображены солдаты французского экспедиционного корпуса, взятые в плен Народной армией Вьетнама. 18 августа во Вьетри они были освобождены. На плакате, который держат, написано: «Да здравствует мир в Индо-Китае!»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Снимок из французской газеты «Юманите»